
К. М. ПИСЦОВ

ИМПЕРАТОР СЫ-ЦЗУН И «СЧАСТЛИВЫЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ» ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОГО*

Статья посвящена анализу четвертой главы сочинения Лю Жоюя (1584–?) «Чжо чжун чжи». В контексте традиционной китайской политической теории рассмотрены добродетели, которыми, по версии Лю Жоюя, был наделен последний минский император Сы-цзун, и счастливые предзнаменования, которые предвещали его воцарение. Автор считает, что предзнаменования носили амбивалентный характер и в свете текущей обстановки были истолкованы Лю Жоюем как благоприятные. В то же время нарисованный Лю Жоюем портрет Сы-цзуна очевидно вписывается в стандартный образ идеального конфуцианского правителя.

Ключевые слова: Лю Жоюй, «Чжо чжун чжи», Сы-цзун, династия Мин, предзнаменования.

Лю Жоюй (1584–?) – евнух-чиновник среднего звена, прослуживший при китайском императорском дворе около четверти века, в 1627 г. был обвинен в причастности к политическим интригам и оказался в тюрьме, где написал книгу «Взвешенные и беспристрастные записи» (Чжо чжун чжи). Одной из целей написания этого сочинения была попытка оправдаться. В то же время «Взвешенные и беспристрастные записи» содержат большое количество ценных сведений как о политической жизни 1620-х гг., так и о повседневном быте императорского двора конца эпохи Мин (1368–1644) (подробнее см.: Писцов 2024; Чэнь Тяньхао 2017).

Четвертая глава книги – «Гун цзи цзинь шан жуй чжэн» (Счастливые предзнаменования Нынешнего Высочайшего) – посвящена последнему государю минской династии Сы-цзуну (1612–

* **Для цитирования:** Писцов, К. М. 2024. Император Сы-цзун и «счастливые предзнаменования» глазами современника. *Историческая психология и социология истории* 2: 131–145. DOI: 10.30884/ipsi/2024.02.06.

For citation: Pistsov, K. M. 2024. Emperor Si Zong and the “Happy Omens” through the Eyes of a Contemporary. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii = Historical Psychology & Sociology* 2: 131–145 (in Russian). DOI: 10.30884/ipsi/2024.02.06.

Историческая психология и социология истории 2/2024 131–145
DOI: 10.30884/ipsi/2024.02.06

1644, имя собственное Чжу Юцзянь, правил в 1627–1644 гг., девиз царствования Чун-чжэнь). Чжу Юцзянь вступил на трон после смерти бездетного старшего брата – императора Си-цзуна (1605–1627, имя собственное Чжу Юцзяо, правил в 1620–1627 гг., девиз царствования Тянь-ци). Его воцарение резко изменило расстановку сил при дворе, поскольку был отстранен от власти всесильный фаворит Си-цзуна Вэй Чжунсянь (1567–1627), приверженцем которого – справедливо или нет – был объявлен и Лю Жоюй. К тому времени империя Мин пребывала в серьезном кризисе, характер которого определяется историками по-разному. В любом случае 15-летний подросток, занявший трон в столь критический период, едва ли был способен коренным образом изменить общее положение дел, предпринимавшиеся им попытки оздоровления ситуации в стране, сопровождавшиеся, к тому же, колебаниями монарха, могли скорее сказаться лишь на частных деталях развития событий. Через 17 лет после воцарения Сы-цзуна империя рухнула в результате масштабной крестьянской войны, а сам император покончил с собой, когда повстанцы взяли столицу. Впрочем, к моменту написания книги Лю Жоюй о грядущем крахе империи Мин никто еще не мог знать, узник писал просто о новом императоре, недавно вступившем на трон.

Говоря об особенностях, присущих повествованию Лю Жоюй, следует отметить прежде всего уникальную осведомленность автора, который если не контактировал регулярно, то во всяком случае имел возможность на протяжении длительного времени наблюдать вблизи последнего минского императора – еще в бытность того принцем. Таким образом, записки обладают ценностью свидетельств очевидца. Книга была написана в царствование Сы-цзуна. Более того, одной из целей ее написания являлось самооправдание: Лю Жоюй стремился отмежеваться от причастности к партии Вэй Чжунсяня, показать, что стал жертвой оговора и пристрастного расследования. Нельзя даже исключать, что император Сы-цзун рассматривался автором как один из потенциальных читателей книги (хотя утверждения, будто Лю Жоюй был помилован вследствие ознакомления монарха с его сочинением, носят легендарный характер и не выдерживают критики) (Чэнь Таньхао 2017: 47). Последние обстоятельства, казалось бы, минимизируют вероятность объективной характеристики Сы-цзуна во «Взвешенных и беспристрастных записях». Но если допустить, что император мыслился в качестве возможно-

го адресата этого текста, то представленная Лю Жоюем апологетическая характеристика государя все же должна была в какой-то степени опираться на достоверные факты. Следовательно, предполагая некоторую однобокость подачи материала, нельзя исключать изложения Лю Жоюем в своем сочинении подлинных фактов, тем более что хорошая осведомленность предоставляла ему такую возможность. Наконец, следует отметить, что глава, в которой Сы-цзун является главным героем, хронологически охватывает период от его рождения до второго месяца начального года Чун-чжэнь (1628), то есть повествование доведено лишь до самого начала царствования. Отчасти такое ограничение можно объяснить тем, что в конце предыдущего года Лю Жоюй отправился в ссылку, а затем был заключен в тюрьму и более не участвовал в придворной жизни, хотя содержание других глав показывает, что узник не утратил полностью доступа к информации о текущих событиях.

Содержание главы с максимальной ясностью отражено в ее названии: «Счастливые предзнаменования Нынешнего Высочайшего». Нынешний Высочайший – этикетная формула, традиционно используемая в историографии для обозначения царствующего государя (Сыма Цянь 1975: 476), в данном случае Сы-цзуна. Счастливые предзнаменования, служащие внешним выражением благоволения Неба к правящему государю или кандидату в государи, с древних времен являются составляющей китайской политической культуры. В качестве подобных предзнаменований могут выступать феномены из метеорологической (например, выпадение сладкой росы), зоологической (появление драконов, фениксов, единорогов-цилинй или обнаружение животных-альбиносов), ботанической (произрастание злаков с тремя или пятью колосками на одном стебле) и других областей. Счастливые предзнаменования, наряду со зловещими, фиксировались как в официальных исторических сочинениях, так и в составленных частным образом сборниках заметок. Таким образом, идеологическая направленность главы не оставляет сомнений: Лю Жоюй стремился представить вниманию читателей счастливые предзнаменования, предвещающие Чжу Юцзяню воцарение, а государству – эпоху благоденствия, которая неминуемо начнется с вступлением на трон достойного государя. Показательно, что предыдущую главу, посвященную царствованию императора Си-цзуна, Лю Жоюй завершает зловещим предзнаменованием, предвещаю-

щим кончину государя и грядущую гибель его одиозного фаворита Вэй Чжунсяня (Лю Жоюй 2018: 22–23).

Изложенные Лю Жоюем факты, представленные в контексте биографии главного героя главы, можно разделить на две группы: события, содержащие «мистическую» составляющую – иногда довольно слабо выраженную, и выдающиеся личные качества Сы-цзуна, находящие выражение в соответствующих поступках. Грань между данными группами весьма зыбкая, поскольку «мистические» феномены могут являться ответом Неба на действия принца/императора, а поступки последнего – реакцией на тот или иной сверхъестественный феномен.

Факты, с которых Лю Жоюй начинает свой рассказ, носят чисто биографический характер. Будущий император в раннем возрасте лишился матери (Лю Жоюй 2018: 24). Родная мать Чжу Юцзяня, носившая фамилию Лю (1588–1615), была второстепенной супругой наследника императорского престола Чжу Чанло (1588–1620, вошел в историю как император Гуан-цзун, чье продлившееся в 1620 г. около месяца правление обозначается девизом Тай-чан). Согласно официальной «Истории [династии] Мин», вскоре после рождения сына она утратила любовь своего мужа и была то ли убита супругом, то ли доведена до смерти («была подвергнута наказанию и скончалась») (Мин ши 1958: 1306/29498). Лю Жоюй, может быть, знал детали этой трагедии, но предпочел обойти их полным молчанием. Он только сообщает, что после смерти матери малолетний принц по решению своего деда-императора был отдан на воспитание любимой супруге отца, известной при дворе как Западная Ли (1594–1674). Затем, уже в 9-м месяце начального года Тай-чан (1620), ребенка вновь передали на попечение другой супруге отца – Восточной Ли (1588–1624), получившей чуть ранее титул Чжуан-фэй, после чего он жил и воспитывался в ее дворце (Лю Жоюй 2018: 24). От этих внешних факторов, безусловно, достаточно важных для реконструкции психологического портрета последнего минского императора, Лю Жоюй переходит к его личным качествам, которые должны были предвещать будущее блестящее правление.

Достоинства Чжу Юцзяня, отмеченные в главе, в целом соответствуют конфуцианской системе ценностей. Это легко объяснить стремлением автора следовать официальной идеологии империи, что было нетрудно, учитывая полученное Лю Жоюем конфуцианское образование.

Главнейшей добродетелью, по конфуцианским представлениям, считалась сыновняя почтительность. Чжу Юцзянь в полной мере обладал столь прекрасным качеством. Это выражалось и в неукоснительном следовании правилам, предписывающим ежедневно наносить утром и вечером визиты вежливости приемной матери – «в холод или в жару – без исключений» (Лю Жоюй 2018: 24), и в строгом соблюдении скорбных ритуалов после ее кончины. При этом почтительный сын, конечно, не мог забыть о своей родной матери. В середине годов Тянь-ци (то есть в период царствования старшего брата) принц спросил у одного из дворцовых слуг о местонахождении могилы урожденной Лю. Получив ответ, что тому это место известно, принц вручил собеседнику несколько лян серебра (*лян* в минское время составлял 37,30 г) и приказал «запастись ароматическими свечами и жертвенными предметами, скрытно пойти и совершить обряды и приношения [на могиле]» (Там же: 24). Когда слуга вернулся сообщить об исполнении поручения, глаза будущего императора переполняли слезы. Секретность, которой была окружена данная акция, объяснялась опасением принца, что в его свите половину составляют приверженцы Вэй Чжунсяня, и нежеланием провоцировать какие-либо подозрения и опасения со стороны могущественного временщика. Лю Жоюй приходит к выводу, что сыновняя почтительность была врожденным качеством Сы-цзуна (Там же: 24).

Помимо сыновней почтительности, в главе говорится о гуманности Сы-цзуна. Гуманность (обозначающий это понятие иероглиф *жэнь* в отечественной традиции часто переводится как «человеколюбие») также входила в число ключевых конфуцианских ценностей (Переломов 1998: 326–327, 347, 386–37). Вскоре после воцарения Сы-цзун спросил приближенных, в числе которых находились Вэй Чжунсянь со своим ставленником Ван Тицянем (?–1640), в каких случаях предусмотрено заковывание преступников в шейные колодки. Вэй Чжунсянь предпочел отмолчаться, а Ван Тицянь доложил государю, что такому наказанию подвергаются великие злодеи, которых невозможно усмирить обычными методами. Юный император в ответ отметил чрезмерную жестокость этой меры. Человеколюбие и милосердие Лю Жоюй тоже считает врожденными качествами Сы-цзуна (Лю Жоюй 2018: 25). Впрочем, из дальнейшего повествования станет ясно, что гуманность императора не исчерпывалась только социальной сферой.

Принц любил учебу, старательно отыскивал в справочной литературе значение встречавшихся ему во время чтения редких иероглифов и исторических намеков (Лю Жоюй 2018: 25). Если кто-то из малолетних дворцовых евнухов, вероятно, приставленных к принцу в качестве однокашников, стеснялся читать канонические книги (речь, несомненно, идет о декламации текстов вслух в процессе заучивания), он строго выговаривал таким: «Читать книги – хорошее занятие, но ты стесняешься. А как петь песенки – так не стесняешься?!» (Там же: 25). О важности учебы для благородного мужа неоднократно говорится в тексте классического памятника «Суждения и беседы», сохранившего для последующих поколений заветы Конфуция (Переломов 1998: 350, 353, 423 и др.).

От ученых занятий Чжу Юцзяня нетрудно перекинуть мост к скромности и бережливости. Упражняясь в письме, принц не позволял выбрасывать листы чистой бумаги, оставшиеся после занятий, но сохранял для использования в будущем. В силу скромности своих потребностей принц не ценил редкие плоды и ягоды, которые присылал ему в подарок стремившийся подладиться Вэй Чжунсянь (Лю Жоюй 2018: 26).

Взойдя на трон, Сы-цзун удалил из жилых апартаментов императора «излюбленную утварь», под которой, вероятно, подразумеваются столярные инструменты, принадлежавшие покойному старшему брату, или изготовленная последним самолично мебель, – прежний государь, как известно, увлекался работами по дереву. Именно это действие, в котором выразилась, по-видимому, серьезность нового государя, не собиравшегося размениваться на праздные забавы, внушило подданным надежду на будущее блестящее правление – «среди подданных внутри и вовне не было таких, кто бы не восхвалил с надеждой [нового] Яо и Шуня (идеальные правители глубокой древности в конфуцианской традиции. – *К. П.*), все протирали глаза, чтобы любоваться Благоденствием» (Там же: 26).

Говоря о личных качествах императора, упомянутых Лю Жоюем, следует назвать еще прозорливость, способность проводить исторические параллели и трезво оценивать текущую обстановку. Читая книги о последнем периоде существования империи Хань (205 г. до н. э. – 220 г.), будущий государь «скрежетал зубами», знакомясь с фактами узурпации императорской власти могущественными временщиками, такими как Дун Чжо (?–192) или Цао Цао (155–220). Учитывая, что единственное крупное политическое мероприятие Сы-цзуна, упомянутое в данной главе, – это смещение

Вэй Чжунсяня и его приспешника Сюй Инъюаня (? – после 1627), очевидно, что, по версии Лю Жоюя, будущий государь очень рано осознал опасность, которую представлял для государства всесильный фаворит его царственного брата.

Судя по рассказу Лю Жоюя, в истории с Сюй Инъюанем наиболее наглядно проявились такие особенности характера юного принца, как сдержанность и расчетливость. Сюй Инъюань, полностью полагавшийся на поддержку со стороны своего покровителя Вэй Чжунсяня, отличался высокомерием и бесцеремонностью. Из текста другой главы следует даже, что его наглость настолько возмущала приемную мать Сы-цзуна Чжуан-фэй (Восточную Ли), что та в конце концов скончалась от гнева (эту версию повторяет и «Мин ши») (Лю Жоюй 2018: 43–44; Мин ши 1958: 1307/29499). В такой обстановке юный принц едва ли мог испытывать к Сюй Инъюаню какие-то чувства, кроме неприязни, однако тщательно скрывал свое истинное к нему отношение. Только после вступления Сы-цзуна на престол ситуация изменилась. Чуть более чем через два месяца после воцарения государь отстранил от власти Вэй Чжунсяня¹. Спустя еще несколько дней Сюй Инъюань был выслан в Хугуан, к императорской гробнице Сяньлин, а еще через пару месяцев разжалован в солдаты и переведен в Фэньян – традиционное место ссылки высокопоставленных преступников, где и умер. Сообщив о смерти этого приспешника Вэй Чжунсяня, Лю Жоюй резюмирует: «Люди все радовались этому» (Лю Жоюй 2018: 26). Данный пассаж призван, вероятно, продемонстрировать, что новый император является не только образчиком всех конфуцианских добродетелей, но и осмотрительным политиком-реалистом и умелым тактиком, способным принимать и последовательно реализовывать судьбоносные решения.

Что же касается «чудесных» предзнаменований, то прежде всего бросается в глаза их относительная обыденность – здесь нет эффектных появлений драконов в небе и тому подобных чудес. Однако именно «скромность» этих сверхъестественных проявлений позволяет отнести к рассказу о них с гораздо большим доверием – весьма вероятно, что в большинстве случаев речь идет о подлинных событиях.

¹ О дальнейшей судьбе Вэй Чжунсяня подробнее сказано в другой главе «Чжун чжи» – он был разжалован, отправлен в ссылку, но по дороге покончил с собой 2-го числа 12-го месяца 7-го года Тяньци (Лю Жоюй 2018: 73).

Рассказывая о сыновней почитательности Сы-цзуна, Лю Жоюй завершает изложение эпизодом, имеющим в его трактовке мистический привкус. Когда в 8-м месяце 7-го года Тянь-ци (1627) принц унаследовал императорский трон, то сразу же повелел присвоить своей родной матери титул императрицы и перенести ее останки в гробницу супруга – императора Гуан-цзуна. Это была устоявшаяся практика, но в данном конкретном случае возникла не совсем типичная для минского времени ситуация. Вместе с Гуан-цзуном уже были захоронены его старшая бездетная супруга – императрица Го (1580–1613) и его второстепенная супруга по фамилии Ван (1582–1619), посмертно получившая титул императрицы, поскольку ее сын стал императором Си-цзуном. Таким образом, в склепе уже находилось три саркофага. Трудно было предвидеть, что Си-цзун умрет бездетным, и в результате еще один сын Гуан-цзуна тоже станет императором. Теперь предстояло внести в гробницу четвертый саркофаг, для чего следовало расширить находящийся в гробнице «драгоценный трон» – платформу, на которой покоились августейшие останки. Учитывая погодные условия и ограниченное время, отведенное для внесения конструктивных изменений, проведение работ грозило обернуться серьезной проблемой. Однако неожиданно выяснялось, что еще во время возведения гробницы Гуан-цзуна евнухи дворцовой администрации Ван Цзин и Ди Инкуй уже озаботились тем, чтобы «драгоценный трон» был сооружен с запасом – на несколько *чи* шире (*чи* в минское время равнялся 31,7 см), чем изначально планировалось. Таким образом, проблема отпала сама собой: «В 12-м месяце 7-го года [Тянь-ци] Совершенномудрая мать [императрица] Сяо-чунь няннян² была похоронена, всего надлежащим образом установили четыре саркофага, размер оказался в самую пору» (Лю Жоюй 2018: 25). Из официальных лиц, ответственных за перезахоронение императорской матери, «не было таких, кто бы не отозвался с похвалой» (Там же: 25). Можно удивляться почти сверхчеловеческой прозорливости строителей гробницы Гуан-цзуна. Но для Лю Жоюя причина неожиданного благополучного разрешения проблемы скрыта в другом: «Совершенномудрая сыновняя почитательность нашего Совершенного мудрого государя растрогала Небо, поэтому ничего не делали,

² Посмертный титул матери императора Сы-цзуна. Няннян – уважительная формула, добавляемая к имени высокопоставленных дам (августейших особ или божеств), аналогичная русскому «матушка».

а сделалось» (Лю Жоюй 2018: 25). Показательно, что Лю Жоюй в этом пассаже использует цитату из «Мэн-цзы»: «Небо в том, когда не делают, а делается» (Мэн-цзы 1999: 138; 2016: 562). В данном случае древний мудрец Мэн-цзы (IV–III вв. до н. э.) – один из столпов конфуцианской доктрины – противопоставляет человеческие возможности и волю Неба, а Лю Жоюй таким образом, со ссылкой на классический источник, высказывает мысль о покровительстве Неба новому императору, обусловленном добродетелями последнего.

Прочие «мистические» события изложены автором в хронологическом порядке. Первые два произошли, вероятно, когда принц был в возрасте «десяти с лишним лет». «Однажды вечером [принц] увидел во сне, что черный дракон обвился вокруг колонны палаты, рассказал [об этом] Чжуан-фэй (Восточной Ли. – *К. П.*), [она] в высшей степени удивилась этому» (Лю Жоюй 2018: 25). Единственный дракон, выступающий в данной главе в качестве счастливого предзнаменования, появляется лишь в контексте сна. Дракон, явившийся в момент зачатия или рождения будущего императора, часто упоминается в исторических сочинениях (Сыма Цянь 1975, т. 2: 157). В данном случае предвестник императорской власти всего лишь приснился принцу, но, по-видимому, в этом сне было что-то такое, что вызвало удивление приемной матери сновидца. Исходя из того, что упомянута Чжуан-фэй (скончавшаяся в 1624 г.), а возраст императора составлял, как мы помним, десять с чем-то лет, это событие следует приблизительно датировать 1621–1624 гг.

Второе необычное событие относится, видимо, примерно к тому же времени (во всяком случае, имело место до 11-го месяца 1626 г., когда принц переселился в отдельную резиденцию). «Однажды случайно гулял в саду того же дворца (вероятно, дворца, в котором он жил вместе с Чжуан-фэй. – *К. П.*). В саду были два колодца – очень далеко один от другого. Нынешний Высочайший лично зачерпнул [воды] колодезным ведром, неожиданно добыл в первом колодце одну золотую рыбку, очень обрадовался. Тогда, подойдя к следующему колодцу, тоже зачерпнул из него, сказав: “Посмотрим, каково внутри этого?” Ведро только опустилось – сразу вытянул, тоже добыл одну золотую рыбку, [она] энергично плескалась, сияла блеском. Приближенные все изумились, держали [это событие] в секрете и не смели [о нем] рассказывать. [Нынешний Высочайший] приказал обеих рыб выпустить в реку в Западном Парке» (Лю Жоюй 2018: 25).

С данной историей явно связана другая, случившаяся уже после свадьбы принца, но до его вступления на трон, следовательно, между 2-м и 8-м месяцем 1627 г., когда принц проживал в собственной резиденции за пределами императорского дворца. В дар принцу поднесли двух живых карпов, которых поместили в чан с водой. «Одна рыба выпрыгнула и поранилась, другая рыба зажмурилась оба глаза, словно просила сохранить ей жизнь. Приближенные [принца] все были изумлены, решили: чтобы рыба моргала – это редкостное дело» (Лю Жоюй 2018: 25). Принц в конце концов не позволил зажарить рыб, а выпустил их.

Обе эти истории для просвещенных читателей Лю Жоюя не просто свидетельствуют об исключительных событиях и о доброте как располагающем личном качестве, присущем императору Сы-цзуну. В соответствии с конфуцианским учением благородный муж распространяет свое милосердие даже на животных (Мэн-цзы 1999: 21–22; 2016: 193), тем более это качество присуще совершенномудрым владыкам (Юань Кэ 1987: 223–224, 344).

Читая рассказы о том, как Сы-цзун выпускал на волю рыб или осуждал использование шейных колодок, трудно отделаться от мысли, что Лю Жоюй стремился напомнить «совершенномудрому государю» о своей собственной печальной участи. К тому же и Мэн-цзы говорил о необходимости для правителя распространить свое милосердие на подданных (Мэн-цзы 1999: 24; 2016: 193). Такое предположение кажется вполне правдоподобным, но не поддается научной проверке.

Как бы то ни было, по мнению Лю Жоюя, прекрасные личные качества нового императора, чье вступление на престол было очевидно санкционировано волей Неба, внушали светлые надежды. И эти ожидания не замедлили оправдаться: всего несколько месяцев понадобилось юному императору, чтобы избавиться от зловещего Вэй Чжунсяня и отправить в ссылку Сюй Инъюаня, что было воспринято современниками как оздоровление ситуации при дворе, – Лю Жоюй отмечает положительную реакцию общества на гибель временщика и его клеветы (Лю Жоюй 2018: 26, 72).

Сообщением об этих двух акциях, по сути, исчерпывается информация о царствовании Сы-цзуна в данной главе. В 12-м месяце того же 7-го года Тянь-ци сам Лю Жоюй отправился в ссылку, а затем оказался в тюрьме как соучастник преступных деяний Вэй Чжунсяня и его окружения. Однако вряд ли только эта причина

помешала его дальнейшему рассказу. Скорее всего, он руководствовался вполне определенным логическим расчетом. Рассказ был доведен до события, которое большинство придворных и сам император Сы-цзун на тот момент несомненно считали позитивным достижением. Следовательно, повествование завершалось на оптимистической ноте, и счастливые предзнаменования оказывались сбывшимися. Кроме того, сообщая о смещении Вэй Чжунсяня и его присных как о событии, которое обрадовало «всех людей», Лю Жоюй стремился демонстративно отмежеваться от клики Вэя, напомнить читателям о своей невинности и заручиться их сочувствием. Дальнейшее повествование о царствовании Сы-цзуна грозило смазать такой эффектный финал. К тому же попытки давать оценки последующим событиям при дворе, тем более не обладая всей полнотой информации, были делом рискованным – можно легко просчитаться, ненароком разойтись во мнениях с влиятельными политиками или даже с самим монархом, чем только ухудшить свое и без того крайне тяжелое положение. Опытный придворный Лю Жоюй, несомненно, учитывал подобные риски, а победа над одиозным временщиком представлялась беспроблемным завершением главы.

Идея данной главы вполне соответствовала существовавшим представлениям о благоприятных предзнаменованиях. Фиксация подобных явлений (как и уподобление царствующего императора легендарным совершенномудрым правителям конфуцианского золотого века – Яо и Шуню) вполне укладывалась в рамки сложившейся традиции. Панегирик добродетелям совершенномудрого монарха, возможно, подразумевал также более конкретную цель: восхваляя милосердие государя, Лю Жоюй напоминал о своей надежде получить помилование.

Переходя к анализу самих предзнаменований, прежде всего хочется отметить их немногочисленность, возможно, компенсируемую достоверностью изложения. Упоминание о драконе, явившемся, пусть даже во сне, будущему императору, вполне традиционно и не вызывает вопросов. Ситуация с рыбами представляется не столь однозначной. Поведение императора, безусловно, похвально – с точки зрения как конфуцианства, так и популярного при минском дворе буддизма. Неожиданная поимка золотых рыбок в двух разных колодцах (может быть, инспирированная кем-то из приближенных принца) и особенно моргающая рыба – сами по себе явления

неординарные. Но могут ли они быть безусловно истолкованы как благоприятные знамения? В отличие от появления животных-альбиносов, которое определенно расценивалось как счастливое предзнаменование (Сыма Цянь 1986: 172; Шэнь Дэфу б. г.), описанные феномены вряд ли допускают однозначное толкование. Думается, ключевую роль здесь играет интерпретация, предлагаемая автором постфактум. Рыба, выкинутая из чана с водой (конечно, при желании истолковать довольно обыденное событие в мистическом ключе), в контексте будущего самоубийства императора Сы-цзуна может быть рассмотрена и как зловещее предзнаменование. Само по себе стремление Лю Жоюя отыскать в прошлом Сы-цзуна некие знаки и истолковать их непременно в благоприятном ключе очевидно и вполне объяснимо. Появлению на исторической сцене совершенно мудрого правителя должны были предшествовать необычные знамения. Но, поскольку принц неожиданно-негаданно вступил на трон, необычные знаки из его прошлого естественно было истолковать как счастливые. К тому же представленная Лю Жоюем цепочка из зловещего (датированного концом царствования Тянь-ци) и затем нескольких благоприятных предзнаменований порождала картину позитивной перемены в политической жизни двора и империи. Можно расценить предлагаемую Лю Жоюем трактовку предзнаменований задним числом как натяжку, но подобный принцип истолкования был изобретен не им, такой подход, по-видимому, разделялся и другими представителями ученого сословия того времени. Шэнь Дэфу (1578–1642) в своем известном сборнике заметок, в частности, отмечает любопытный природный феномен, имевший место в 8-м месяце 2-го года Чжэн-дэ (1507): всегда мутные воды реки Хуанхэ вдруг сделались прозрачными. Шэнь Дэфу предлагает вполне определенное истолкование знамения: именно в этот год и месяц в резиденции удельного принца Син-вана родился мальчик – будущий император Ши-цзун (Чжу Хоуцун, 1507–1567, правил в 1521–1567, девиз царствования Цзя-цзин)³. Шансы наследника удельного князя стать императором были невелики, он не ожи-

³ В данном случае предзнаменование весьма удачно коррелирует со вторым иероглифом девиза, избранного для обозначения царствования Ши-цзуна – *цзин* («тихий, спокойный»), который в древних текстах мог использоваться вместо омонимичного иероглифа в значении «чистый, лишенный примесей» (Большой... 1984: 201).

данно унаследовал трон после смерти бездетного двоюродного брата – императора У-цзуна (Чжу Хоучжао, 1491–1521, правил в 1505–1521, девиз царствования Чжэн-дэ). Счастлирое знамение вполне могло предвещать необычную судьбу новорожденного, но очевидно, что подобная интерпретация этого знамения не могла быть предложена ранее вступления Ши-цзуна на престол. Только тогда появилась возможность соотнести дату рождения нового императора с необычным явлением, которое наблюдалось на Хуанхэ 14 лет назад⁴. В целом подобный принцип имеет, по-видимому, интернациональный характер, вне зависимости от эпохи и региона. О толковании предсказаний *post factum* писал Цицерон (1985: 267). Сходную ситуацию с пророчествами, высеченными на двух мемориальных колоннах, украшавших византийскую столицу в начале XIII в., отметил летописец Четвертого крестового похода Робер де Клари (?–1216): «Снаружи этих столпов были нарисованы и вещим образом записаны все происшествия и все завоевания, которые случились в Константинополе или которым суждено было случиться в будущем. Но никому не дано было знать о происшествии до того, как оно произошло; когда же оно происходило, то народ шел туда из ротозейства, и потом они разглядывали, словно в зеркальце, и подмечали первые признаки происшествия» (Клари 1986: 38). Французский современник Лю Жоюя Мишель Монтень (1533–1592), описывая ребенка с врожденной аномалией, которого ему однажды довелось видеть, склонялся к мысли, что «двойное тело, имевшее отдельные члены и заканчивавшееся одной головой, могло служить для нашего короля благоприятным предзнаменованием того, что под эгидой его законов могут объединяться различные части нашей страны», но, сославшись на мнение Цицерона, предусмотрительно воздержался от окончательного суждения: «...дабы не впасть в ошибку, пусть лучше вещи идут своим путем, ибо предпочтительнее гадать о том, что уже произошло» (Монтень 2007: 536). Тем интереснее анализ роли счастливых знамений и механизма их интерпретации в качестве идеологического инструмента в контексте политической культуры поздней китайской империи.

⁴ Справедливости ради отметим, что значение некоторых знамений, по свидетельству Лю Жоюя и его современников, было угадано ранее, чем заложенное в них пророчество сбылось (Лю Жоюй 2018: 167; Ли Юй 1995: 519–520), но сообщение об этом каждый раз фиксировалось уже после исполнения пророчества.

Глава «Гун цзи цзинь шан жуй чжэн», как и материал из других глав «Чжо чжун чжи», на протяжении веков активно использовалась в качестве исторического источника. В частности, информацию из данной главы черпали авторы официальной «Мин ши», в которой приведен эпизод с отправкой юным принцем слуги на могилу матери (Мин ши 1958: 1306/29498), Фу Вэйлинь (1608–1667) воспроизвел в своем капитальном труде «Мин шу» беседу Сы-цзуна с приближенными относительно шейных колодок (Мяо Ди 2008: 30), современный исследователь биографии Сы-цзуна историк Мяо Ди тоже заимствует у Лю Жоюя информацию о ранних годах императора (Там же: 3, 9). Вполне можно предположить, что сочувственный рассказ Лю Жоюя о последнем минском императоре стал одним из факторов, повлиявших на интерпретацию образа Сы-цзуна в официальной историографии. По традиции, уходящей корнями в древность, правитель, на котором завершилось царствование династии, обычно рассматривается как жестокий и неразумный тиран, за свои преступления лишенный Небом власти. Характеристика Сы-цзуна в историографии эпохи Цин (1644–1911) не соответствует этому стереотипу. Авторы «Мин ши», в целом скромно оценивая способности последнего минского государя, все же не возлагают на него ответственности за гибель династии, считая, что Сы-цзун «не был правителем, погубившим государство, он лишь разделил судьбу гибнущего государства» (Доронин 2002: 171). Чертами «плохого последнего правителя» интеллектуалы эпохи Цин скорее были склонны наделять его старшего брата – Си-цзуна (Писцов 2024: 222).

Следует особо отметить, что фактический материал, приводимый Лю Жоюем, может быть полезен современному исследователю для реконструкции психологического портрета Сы-цзуна. Ранняя потеря матери, последовательное пребывание под опекой двух приемных матерей, необходимость постоянно таиться в условиях враждебного окружения вряд ли могли пройти бесследно для формирующейся личности будущего монарха.

Таким образом, ценность главы «Счастливые предзнаменования Нынешнего Высочайшего» как уникального исторического источника и ее влияние на последующую историографию представляется вполне очевидной. Не меньшую значимость данное произведение имеет для изучения традиционной идеологии императорского Китая, поскольку демонстрирует механизм отбора и интерпретации «счастливых предзнаменований» в политической культуре позднего Средневековья.

Литература

Большой китайско-русский словарь: в 4 т. Т. 3. 1984. М.: Наука, ГРВЛ.

Доронин, Б. Г. 2002. *Историография императорского Китая XVII–XVIII вв.* СПб.: Филологический факультет СПбГУ.

Клари, Р. де. 1986. *Завоевание Константинополя.* М.: Наука.

Ли Юй. 1995. *Полуночник Вэйян, или Подстилка из плоти: Роман; Двенадцать башен: Повести; Случайное пристанище для праздных дум: Эссе-размышления.* М.: Худ. лит-ра.

Лю Жоюй. 2018. *Взвешенные и беспристрастные записи.* 北京: 北京出版社 (на кит. яз.).

Мин ши (История [династии] Мин). 1958. Шанхай: Шаньу иньшугуань (на кит. яз.).

Монтень, М. де 2007. *Опыты. Эссе.* М.: Эксмо.

Мэн-цзы

1999. *Мэн-цзы.* СПб.: Петербургское Востоковедение.

2016. *Мэн-цзы в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си.* М.: Наука, Вост. лит-ра.

Мяо Ди. 2008. *Полная биография императора Чун-чжэня.* 北京: 中国社会出版社 (на кит. яз.).

Переломов, Л. С. 1998. *Конфуций. Луньюй.* М.: Вост. лит-ра.

Писцов, К. М. 2024. *Императорский двор эпохи Мин по запискам придворного евнуха Лю Жоюя.* М.: ИВ РАН.

Сыма Цянь

1975. *Исторические записки: в 9 т. Т. 2.* М.: Наука.

1986. *Исторические записки: в 9 т. Т. 4.* М.: Наука.

Цицерон. 1985. *Философские трактаты.* М.: Наука.

Чэнь Тяньхао. 2017. *Краткое исследование биографии позднеминского евнуха Лю Жоюя.* URL: <https://www.academia.edu/35562891/晚明宦官劉若愚生平考略> (на кит. яз.).

Шэнь Дэфу. Б.г. *Добытое в миру [в период] Вань-ли.* URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/萬曆野獲編/卷29>.

Юань Кэ. 1987. *Мифы Древнего Китая.* М.: Наука.